

... ГЛАВА 1 ...

Запах дыма защекотал нос. Я поморщилась, несколько раз моргнула, возвращая зрению четкость, увидела серый потолок над головой — и рывком села.

Что?.. Где я?

Судя по каменным стенам и низкому своду, в пещере.

В стороне, ближе к выходу, горит костер. Над ним котелок, черный от сажи. Подо мной шкуры северных волков; чуть позади меховая куртка, скрученная валиком. Кажется, ее использовали как подушку. Причем для меня. Грудь стянута повязками, левая нога зафиксирована двумя палками и туго перемотана. Осторожно, стараясь избежать ненужной боли, я ощупала ее и уверилась — кости вправлены.

Боги, что произошло? Откуда эти раны? Я ведь уходила из Ордена неведимой! А потом... потом...

В памяти замелькали обрывки недавних событий.

Горы. Снегопад, поваливший на декаду раньше срока. Злой ветер, царапающий лицо. И я, поднимающаяся все выше. Тяжелый дайгенор — оружие и гордость любого охотника — привычно оттягивал руку. Выбившиеся из косы волосы лезут в лицо. Наверное, из-за них я не сразу увидела дракона. А может, причиной всему метель. Не знаю. Наверняка скажу лишь одно: когда я наконец разглядела алый силуэт, нападать из засады было уже поздно — дракон тоже меня заметил.

Все, что случилось после, превратилось в набор смазанных образов. Я помню массивный спинной гребень и отливающие золотом когти. Помню, как пыталась, но никак не могла ранить проклятое чудовище, как нацелилась на брюхо, не защищенное роговой чешуей. И как от-

летела назад, сбивая с ног мощным хвостом. Последнее, что отпечаталось в памяти, — нестерпимая боль в ноге и мой крик.

А теперь я здесь, в пещере. Заботливо уложенная на шкуры и со вправленными костями. Но кто помог мне? Неужели...

Губы дрогнули в улыбке.

Да! Я знала, что братья из Ордена не бросят меня! Наверняка они и убили чудовище! Ух, правда, придется объясняться перед отцами, почему я не сделала этого сама. Но, уверена, они поймут — никто из послушников не одолел бы алого дракона.

Шорох шагов заставил отвлечься от мыслей и повернуться ко входу. Пришел мужчина. Высокий, широкоплечий, с густыми каштановыми волосами, заплетенными в тугую косу. Из одежды лишь штаны грубого пошива, заправленные в сапоги, да жилетка на тонкой шнуровке.

Хм, не похоже на облачение охотника. Вольный наемник?

— Спасибо, что спас меня от чудовища, — поблагодарила я искренне, когда он приблизился. Вспомнила рассказы о наемниках и добавила: — Для меня будет честью вернуть долг жизни.

— От чудовища?

Тонкие губы искривились в холодной усмешке. Он опустился на корточки, ухватил меня за подбородок жесткими пальцами, потянул на себя.

Сердце дрогнуло.

Иначе! Охотники и наемники двигаются иначе! В их движениях нет этой неуловимой тягучести, когда даже молниеносное движение выглядит плавным.

— Посмотри мне в глаза, — приказал он. — Что ты видишь?

Все мое естество отказывалось подчиняться. Взгляд против воли скользнул вниз, к расстегнутой жилетке, и замер на глубоких порезах, пересекающих грудь. Еще свежих.

Слишком знакомых, чтобы ошибиться. Такие рваные края может оставить лишь одно оружие. Дайгенор.

От внезапной догадки спина покрылась холодным потом.

— Посмотри на меня! — рявкнул незнакомец, и на этот раз я подчинилась.

Медленно подняла взгляд, отмечая волевой подбородок, хищные черты лица, прямой нос и... темно-зеленые глаза с вертикальными зрачками. Я дернулась, попыталась высвободиться из цепких пальцев. Однако стоило шевельнуться, как незнакомец с силой сжал мое левое бедро. По ноге молнией прострелила боль. Еще терпимая. Но стоит ему сместить ладонь на несколько сантиметров вниз, и боль станет невыносимой.

— Ты дракон? — несмотря на страх, дрожи в моем голосе не прозвучало.

— А что, много вариантов? Ну же, охотница, не разочаровывай меня. Ты ведь уже все поняла. Так почему спрашиваешь?

Я упрямо поджала губы.

— Что, думаешь, убью тебя? — Зеленые глаза насмешливо блеснули. — Поверь, хотел бы — давно бы уже это сделал.

— Тогда почему?

— Почему ты до сих пор жива?

Я кивнула.

— В отличие от вас, мы не убиваем невинных. — Поймав мой непонимающий взгляд, дракон пояснил: — Ты еще не окропила себя нашей кровью, — кивком головы он указал на мое плечо, виднеющееся через прореху на рубашке. — Охотникам ставят клеймо за каждого убитого дракона, верно?

Я снова кивнула. Он недобро прищурился.

— Что, не задалась первая охота?

Отпустив мою ногу, дракон поднялся и подошел к котелку. Зачерпнул из него что-то жестяной кружкой и, вернувшись, протянул мне.

— Пей, — приказал он коротко. — Иначе волюю силой.

Я не пошевелилась, лишь прожгла чудовище полным ненависти взглядом.

— Ты сама напросилась...

Снова присев рядом, он намотал мою косу на кулак, с силой дернул назад. Вскрикнув, я запрокинула голову — и едва не захлебнулась льющейся в рот жидкостью. Задержалась, попыталась высвободиться, но без толку. Дракон держал крепко.

— Пустое упрямство будет тебе дорого стоить, — холодно произнес он, отпуская мои волосы. — А теперь спи. Твоему телу нужны силы.

— Почему ты...

Договорить я не успела. Веки сомкнулись, я начала заваливаться набок, но прежде, чем отключиться, ощутила сильные мужские руки, удержавшие меня от падения.

Первое, что я ощутила, придя в себя, была слабость. Тело будто окаменело, руки казались неподъемными, даже веки и те поддались с трудом — приподнялись лишь наполовину. Я украдкой огляделась.

Дракон сидел ко мне вполоборота, обнаженный по пояс, — ноги скрещены, спина прямая. Света костра не хватало, чтобы разглядеть все; но то, что могла, я изучала со всей тщательностью. Отливающую золотом кожу, старые рубцы на спине, видимые жгуты вен, напряженные мышцы. Мощный, зараза. Одолеть такого будет непросто даже лучшим из охотников. А уж мне, раненой, — и вовсе невозможно. Проклятье!

От котелка, уже снятого с огня, поднимался густой пар. Чувствовался горьковатый запах незнакомых трав. Дракон тихо рыкнул, будто недовольный тем, что собирается сделать, запустил длинную деревянную ложку в котелок, выудил комок чего-то вязкого, темно-зеленого. Несильно отжал и приложил к рваной ране на груди. Новый рык — протяжнее и ниже первого — отозвался во мне мелкой дрожью. Только совсем не от страха.

Очень давно, еще в первый год служения Ордену, я сорвалась со скалы. Не слишком высокой, но все же достаточно опасной, чтобы при падении рассеять плоть до ребер. До сих пор с содроганием вспоминаю обеззараживающие примочки, тугие перевязки и мази. Казалось, каждое лекарское средство служило лишь одной цели — заставить меня заново прочувствовать глубину того разочарования, что охватило праведных отцов. А разочарованы они были безмерно. Еще бы! Я ведь обещала забраться на самый верх, а в итоге сорвалась, не достигнув даже середины.

Пальцы невольно дернулись и сжались в кулаки.

В тот день я пообещала, что больше никогда не подведу Орден. Стану достойной. И шесть кривых шрамов пониже груди стали молчаливым напоминанием о моей клятве.

Я снова посмотрела на спину дракона — широкую, мощную, со следами прошлого. Интересно, давал ли он похожие клятвы? Или, как дикий зверь, лишь следует инстинктам?

— У тебя тяжелый взгляд, охотница, — бросил он, не поворачивая головы. — С таким ты никогда не нападешь из тени.

В первую секунду я растерялась. Мне казалось, дракон не заметил моего интереса. Но уже в следующую взяла себя в руки: широко открыла глаза и посмотрела не прячась.

— Чего ты хочешь от меня?

Вопрос заставил его хмыкнуть, отложить ложку и повернуться.

— Чтобы ты выжила.

— Зачем?

— Чтобы вернулась к своим и рассказала о нас: что мы не звери, как вы привыкли считать. Что если на нас не нападать, мы не станем убивать в ответ. Что нам не чуждо милосердие.

— Пытаешься меня задурить? Думаешь, я поверю твоим словам, чудовище?

— Не словам — действиям.

Поднявшись, он достал из котелка еще один комок непонятной зелени и, роняя на пол пахучие капли, зашагал ко мне. Я дернулась. Попыталась сесть, но слабые руки не дали опереться на них и отползти.

— Чудовища не помогают людям, — процедила сквозь зубы.

— Верно. И я докажу тебе, что драконы — не те, кем вы привыкли нас считать.

Вместе с последним словом он прижал к моей ноге горячий влажный ком. Кожу обожгло. Причем так сильно, что сдержать крик не вышло. Инстинктивно я ухватилась за дракона непослушными пальцами, подалась вперед. А он, что удивительно, не оттолкнул. Напротив, обхватил меня поперек спины, притянул ближе, давая опору, и помог пережить момент слабости.

— Теперь выдыхай, охотница.

Он опустил меня обратно на шкуры и отошел. Я проследила взглядом за его рукой, дернувшейся к ранам на груди.

Дайгенор — опасное оружие. Опаснее меча или лука. Оно не просто травмирует тело — оно отравляет его. Лезвие дайгенора обрабатывают заговоренным настоем шесть полных лун подряд. И старинный рецепт знают только праведные отцы.

Однажды — больше по глупости — я сцепилась с Айкиром, братом по Ордену. До сих не знаю, совпало так или Айкир все подстроил, но рукоять моего дайгенора надломилась. Я едва успела отвести его в сторону — лезвие лишь краем скользнуло по голени. Не сделай я этого, лишилась бы ноги, а так отделалась всего тремя неделями в лекарском крыле. Тогда же я узнала, каково это — когда закипает кровь в оставленной дайгенором ране. И сейчас, разглядывая рваные края порезов на груди дракона, будто заново переживала дни после схватки с Айкиром.

— Корни хладовой травы, — произнесла я быстро, опасаясь, что, если замешкаюсь хоть на секунду, то передумаю. — Завари их с корой калины, остуди и...

— О, надо же, охотница делится со мной рецептами снадобий, — дракон насмешливо скривился. — Не стоит. Ваши средства бессильны против нашей крови.

Не сводя с меня взгляда, он коснулся открытых ран, намочил пальцы в собственной крови и встряхнул рукой, роняя тяжелые капли на пол. Камни, на которые они упали, зашипели. В воздухе запахло серой.

— А это? — я кивком указала на зеленые разводы на смуглой коже.

— А это наши снадобья, охотница. И их рецептами я делиться не стану. Спи.

Будто следуя этому приказу, веки налились тяжестью. Пришлось мотнуть головой, чтобы прогнать сонливость. Затем я снова посмотрела дракону в глаза.

— Чего ты хочешь на самом деле?

— Я уже сказал. К утру метель успокоится, и ты отправишься к своим. До тех пор нам придется терпеть общество друг друга. Но не бойся — я не наврежу тебе. Ты покинешь эти горы в целости, клянусь Первопредком.

— Я не знаю, кто это, — нахмурилась растерянно.

— Нестрашно. Достаточно того, что знаю я.

Несмотря на уверенность дракона, метель не утихла ни к утру, ни к следующей ночи. Наоборот, лишь набирала силу. Как и жар, лижущий мое тело. Поначалу я не обратила на него внимания: списывала то на слабость, то на близость костра. Но к вечеру стало понятно: это лихорадка.

Дракон покидал пещеру дважды. В первый раз он ушел утром, чтобы через несколько часов вернуться с тушей горного алькарда. Увидев добычу, я не сумела скрыть удивления. Да и как иначе? Трудно сохранить невозможность,

когда в нескольких шагах от тебя бросают на пол огромное серо-голубое тело с тонкими полосками на шкуре. Мощные витые рога загибались назад, словно крендели, раздвоенные копыта отливали серебром. Именно из-за них алькардов еще называют серебряными арисами.

Шкуру с алькарда дракон содрал всего в несколько движений, чем вновь удивил меня. При этом — готова поклясться — он едва сдерживал самодовольную улыбку! Но ни один из нас не проронил ни слова. О чем думал дракон, не знаю. Я же не могла заставить себя смотреть на что-то, кроме него. Взгляд словно приклеился к сильному мужскому телу. Раз за разом возвращался к ранам от дайгенора, виднеющимся сквозь распахнутую жилетку; скользил вдоль рук со жгутами вен, очерчивал контур лица.

Как же так вышло, что никто в Ордене не знает о способности драконов менять облик? И почему никто из чудищ не попытался выйти на общение раньше? Или...

Пугающая мысль вонзилась в меня иглой.

Или дракон со мной играет?

Кот Мадека — одного из старейших отцов Ордена — тоже всегда забавляется с мышами, прежде чем задушить их. Я сама видела с полдюжины раз. Правда, вмешаться посмела лишь единожды, и за это провела ночь в яме с крысами. Тремя. Их хватило, чтобы не давать мне сомкнуть глаз: приходилось отбиваться от наглых созданий до самого рассвета. Урок я усвоила и больше никогда не мешала любимцу Мадека играть с добычей.

Сейчас же я вдруг почувствовала себя той самой мышью, угодившей в лапы к коту. Что будет, когда он наиграется?

Беспокойство крепло от часа к часу. Вместе с ним креп жар. Мысли становились ленивыми и неповоротливыми, как старая кухарка Найра, хорошо готовящая лишь тушеную картошку. Удивительно, но, несмотря на то что последний раз я ела еще в Ордене, голода не было. Даже воспоминания о стряпне Найры не раздражили аппетита. И когда дракон, разделав тушу алькарда, кинул не-

сколько крупных кусков на горячий от огня камень, я не ощутила ни капли интереса. Только продолжила следить за драконом.

Сам он тоже часто поглядывал на меня. Причем с каждым разом хмурился все сильнее. Когда он поднялся и, ничего не говоря, покинул пещеру, я не испугалась. Хотя, пожалуй, стоило бы. Однако жар будто выжиг из меня не только силы и голод, но даже страх.

Я проводила дракона мутнеющим взглядом, отвернулась и ненадолго прикрыла глаза. По крайней мере, так мне показалось... В себя я пришла от громкого треска ткани. Дернулась, вырываясь из марева темноты, и повернулась на звук.

Дракон был здесь. Не знаю, куда он уходил и когда вернулся, но сейчас сидел на корточках у моей ноги. Судя по ощущениям, штанину он порвал. Словно в подтверждение моей догадки, ноги коснулись чужие пальцы. Неглубоко сжали. Скользнули выше, надавили... и тут же исчезли, стоило мне закричать. От внезапной боли я на миг ослепла. А когда пришла в себя, то подавилась воздухом, потому что там, где еще недавно были пальцы дракона, теперь меня касались его жесткие горячие губы.

— Что... что ты делаешь? Прекрати...

Мой голос прозвучал слабо, жалко. Но, к счастью, настаивать не пришлось — дракон отстранился, сплюнул и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Твоя кровь горит. Если за ночь тело не сможет успокоить ее... — он не договорил.

Я криво дернула уголкем рта, без слов понимая все, что не было озвучено: если к утру жар не спадет, я умру. В груди похолодело.

Охотников с первых дней учат, что наш век недолог. И мне казалось, я давно смирилась с судьбой. Но сейчас, лежа на полу пещеры посреди Пайтенских гор, поняла, что не готова умирать. Случись это еще сутки назад — в бою, с зажатым в руке дайгенором, — я бы не побоялась. А вот так — медленно, неотвратимо, угасая, точно огарок свечи, — не хочу.

— Тогда в нашем поединке дракона и человека победа останется за тобой, — несмотря на страх, мой голос прозвучал твердо, как и подобает истинной дочери Ордена.

Дракона такая стойкость разозлила. Он наклонился, впился в меня взглядом, словно иглами, и процедил:

— Что, охотница, собственная жизнь ничего для тебя не значит, раз так спокойно говоришь о смерти? Или в вашем Ордене учат именно этому — покорно принимать судьбу?

— Горячку крови не вылечить. Если боги будут милостивы, мое тело само ее погасит; если нет — значит, мой срок настал. Или что, у чудовищ есть зелья, творящие чудеса? — спросила я, не пряча издевки.

Гнев дракона вызвал во мне ответную ярость. Зачем он заставляет меня озвучивать прописные истины? Чтобы напомнить о скорой кончине? Или хочет подарить пустую надежду, а потом потешаться, наблюдая, как я цепляюсь за нее? Не выйдет. Пусть я не прошла новое рождение, но по духу я охотница. И если пришел мой час, я встречу его как подобает. С честью.

Дракон не ответил. Рыкнул, опаливая дыханием кожу, и одним плавным движением поднялся.

— Моли своих богов о помощи, охотница. И если они тебя услышат, ты никогда не узнаешь, какими могут быть зелья чудовищ.

...☀ ГЛАВА 2 ☀...

Боги отвернулись от меня. Я поняла это ближе к ночи, когда почти ослепла от жара. Взор размылся, окружающий мир превратился в пятно смазанных красок. И только тени от костра оставались четкими. Они шевелились, подбирались ко мне, словно дикие звери, замирали перед прыжком. И вместе с ними замирала я. Дух охотницы требовал действий; слабое, налившееся тяжестью тело — покоя. Противоречия выматывали почти так же сильно, как и жар.

Пропитавшаяся потом одежда липла к коже. Хотелось содрать ее, остаться почти нагой под редкими порывами ветра, задувающими в пещеру. Под ними становилось легче, пусть и ненадолго.

Несколько раз я проваливалась в беспмятство. Выныривала из него, точно из болотной топи, и увязала вновь. Иногда, очнувшись, я чувствовала прикосновения дракона — он что-то прикладывал к моей ноге, чем-то смачивал лоб. Дважды снова прижимался ртом к ране и сплевывал отравленную жаром кровь.

В себя я пришла в предрассветных сумерках. Очнулась и вдруг поняла: это последнее пробуждение. Как у погибающей птицы, которая находит силы встрепенуться еще лишь раз. И, кажется, дракон тоже это понял.

Он сидел рядом. Смотрел на меня пристально, почти не моргая, и хмурился.

— Твои боги оказались глухи, охотница, — заметил он, стоило нашим взглядам встретиться. — Но мои все слышат.

— Ты молился за меня? — я тихо усмехнулась.

Пусть сил во мне, как в той птице, осталось лишь на рывок, но я взлечу. В последний раз. И дракон не увидит моего страха перед падением.

— Нет. Но я поклялся Первопредку, что ты вернешься к своим.

— Что ж, значит, ты поспешил.

Дракон оскалился. Пальцы на его руке вдруг стали удлиняться и утолщаться, наливаясь темным золотом. В тусклом свете костра блеснули когти. Их движение вышло стремительным: словно золотая молния сорвалась и исчезла, оставляя после себя осязаемый запах. Только не свежести, а драконьей крови. Оскал дракона стал шире — как у хищника, готовящегося к нападению.

И оно последовало.

Я не успела ни дернуться, ни уклониться, когда он резко скинул руку и прижал кровоточащий порез к моим губам. Зеленые глаза полыхнули алым, и все во мне оборвалось.